

В трудах С. А. Токарева и К. В. Малаховского намечены основные задачи для конкретных исследований миссионерской деятельности в Океании. В работах Д. Д. Тумаркина, И. М. Меликсетовой, Н. П. Раввы обстоятельно изучена деятельность миссионеров на Гавайях, Тонга, Таити⁶⁵. Созданные миссионерами на этих архипелагах порядки авторы характеризуют как миссионерские теократии и ярко рисуют фигуры таких тиранов и деспотов, как Хайрем Бингхем (Гавайи), Ширли Бэкер (Тонга), Джордж Притчард (Таити). В фундаментальном исследовании Д. Д. Тумаркина показано, как обогащались американские миссионеры на Гавайях, как они разрушали самобытную культуру гавайского народа. Важную и нужную работу проделал П. И. Пучков, проследивший в ряде случаев влияние миссионеров на этнические процессы, происходящие в Океании. Он отметил противоречивый характер этого влияния: в одних случаях миссии, принимая один из местных языков за язык общения для территории, далеко выходящей за рамки его прежнего распространения, способствовали этнической консолидации⁶⁶, в других — нарушали нормальный ход этнического процесса (например, когда стремились внедрить язык мота на о. Тикопия)⁶⁷, в-третьих, тормозили этот процесс (когда в рамках одной языковой группы действовали две враждебные миссии)⁶⁸.

С появлением в Океании политически независимых государств в истории изучения океанийского миссионерства начинается новый период. Миссионеры не хотят уходить из Океании. Колонизаторы тоже хотели бы сохранить здесь миссионеров, через которых они могут оказывать влияние на события, происходящие в этой части земного шара. Особый интерес приобретает сейчас изучение современной деятельности океанийских миссий: их влияния на культуру коренного населения, приспособления к новым изменившимся условиям, отношения к национально-освободительному движению и молодым независимым государствам. Важное идеологическое значение имеет критика новейших неоколониалистских концепций миссионерства, исследование его роли в истории народов Океании.

М. С. Бутинова

⁶⁵ Д. Д. Тумаркин, Гавайский народ и американские колонизаторы, 1820 — 1865 гг., М., 1971; И. М. Меликсетова, Основные тенденции социально-экономической эволюции Тонго, сб. «Новое в изучении Австралии и Океании», М., 1972; Н. П. Равва, Полинезия. Очерк истории французских колоний (конец XVIII—XIX в.), М., 1972.

⁶⁶ П. И. Пучков, Формирование населения Меланезии, М., 1968, стр. 95—97, 136, 169.

⁶⁷ Там же, стр. 65.

⁶⁸ Там же, стр. 62, 196.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

О. Н. Яницкий. Урбанизация и социальные противоречия капитализма. Критика американской буржуазной социологии. М., 1975, 333 стр.

В книге О. Н. Яницкого трактуется тема, важность которой для социальной истории вообще и этнических процессов в частности трудно переоценить. Города с древности служили узлами этнических связей, и эта роль их во много раз возросла в эпоху капитализма. Американская социология, критическому обзору которой посвящена книга, и возникла, собственно говоря, как социология города. Более того, она родилась в иммигрантских кварталах, социальными проблемами которых занимались первые социологи США.

Книга отличается широтой охвата темы. Кроме американских социологических школ рассматриваются взгляды ряда европейских социологов прошлого и настоящего. Учтена советская научная литература — социологическая, историческая, этнографическая.

Затрагиваются проблемы города разных исторических эпох, но главное внимание уделено, разумеется, капиталистическому городу, причем особенно акцентируются проблемы современного капиталистического города, живущего в эпоху научно-технической революции. Так как объектом исследований американской социологии больше

всего служили города США, то именно они главным образом и рассматриваются в рецензируемой книге; причем автор уделяет серьезное внимание характерному для них иммигрантскому населению.

Автор подвергает систематической критике разбираемые им социологические теории, недаром книга его издана в серии «Идеологическая борьба в современном мире». Главные обнаруживаемые им пороки этих теорий — отсутствие историко-генетического подхода (а такой подход, которого требует марксистская диалектика, вовсе не исключает рассмотрения города как целостной структуры в каждый исторический период) и то, что город берется вне прямой связи с системой капиталистических социально-экономических отношений, порождение, проявление и даже средоточие которых он в действительности представляет. Критика эта содержательна. Автор противопоставляет взгляд буржуазных ученых свое понимание рассматриваемых вопросов. Так, он дает свою концепцию урбанизации как процесса, обусловленного капиталистической индустриализацией, характерного ведущей ролью города в общественном развитии и преобразующего структуру общения (стр. 95, 96). Эта концепция противопоставлена как внеисторическому исследованию города, так и теории сельско-городского континуума, которая была введена в американскую социологию чикагской школой, позже разработана П. Сорокиным, Л. Виртом и Р. Редфилдом и пользуется большим влиянием по сей день (стр. 53, 67, 68).

Свой критический обзор автор начинает с чикагской школы, действовавшей в начале XX в., во главе которой стояли У. Томас и Р. Э. Парк. Имевшая прагматическую основу и социально-психологические тенденции, она оказала большое влияние на всю последующую американскую буржуазную социологию. В частности, отмечается в книге (стр. 11), разрабатывавшаяся чикагской школой городская экология легла в основу современной социальной экологии. Введение в американскую статистику понятия СМСА (стандартный метрополитенский статистический ареал) вместо города в его административных границах — также результат исследований этой школы (стр. 52). Р. Э. Парк развил понятие маргинальной личности (взятое им у Зомбарта и Зиммеля¹) и даже маргинальных народов. О. Н. Яницкий толкует понятие маргинальности, на наш взгляд расширительно, как проявление отчуждения личности при капитализме (стр. 163, 164). Можно также возразить, что маргинальность знали и докапиталистические формации. Вообще же понятие маргинальности, подлежащее, разумеется, критической разработке, плодотворно, оно «работает» и в социологии, и в этнографии; особенно полезно оно при исследовании миграций и этнокультурных контактов.

Большое внимание уделено в книге критическому анализу современной американской социологии города — теории «постгородского общества», создателем которой явился Мелвин Веббер. Согласно этой теории, США проходят последнюю форму урбанизации, уже «за пределами городов», век городов приходит к концу. Под воздействием научно-технической революции города, являющиеся открытой системой, превращаются из индустриальных центров в средоточие науки и переработки информации. Эта широко распространенная в западной социологии информационная концепция проникнута, как отмечает автор, технократическими воззрениями. Анализируя эти и подобные им взгляды, автор отмечает, что материальная и духовная среда капиталистического города отстает от требований и возможностей научно-технической революции. Он справедливо указывает, что признаваемый всеми кризис городов есть, собственно, общий кризис капитализма. Для эпохи научно-технической революции характерно уже не противоречие города и деревни, а противоположность современного мегалополиса и аграрно-промышленной капиталистической периферии (стр. 130).

Для занимающихся этнографией, этноисторией, этносоциологией наибольший интерес представляют те части книги, где идет речь о происходящих в городе этнических процессах. В основном это 6 глава, названная «Сельский мигрант в городской среде». Здесь разбирается главным образом адаптация или ассимиляция городских иммигрантов (автор отмечает терминологическую разногласию этого рода у американских социологов). Подчеркивая длительность адаптации, автор высказывает здравую мысль, что «этот процесс в принципе тем протяженнее, чем более исторически отдалены в культурном отношении город и деревня» (стр. 174). Он справедливо отмечает огромное психологическое напряжение, которого требует от мигранта увеличение числа жизненных ролей и ориентиров в городе.

Однако утверждение автора, что со всем этим связано движение «от этнической общности к классу» (стр. 174 и др.), вызывает возражения. Этнические общности, из которых происходили мигранты, сами делились на классы, и для мигрантов перелом зачастую состоял в изменении классовой принадлежности, диктовавшемся структурой принимающего общества. Одновременно, только гораздо медленнее и сложнее, шло изменение их этнической принадлежности, ибо мигранты оказывались отнюдь не в абстрактном городе, лишенном этнических характеристик, а в среде, окрашенной этнически весьма интенсивно и весьма пестро. Вряд ли можно говорить и о «совпадении» границ этнической и классовой общностей» (стр. 188). Полного совпадения не бывало, но перекрещивание, переплетение наблюдались постоянно.

О. Н. Яницкий часто пользуется понятием «деревня» в смысле классической анти-тезы «деревня — город», пользуется и для Америки, о которой главным образом идет

¹ M. L. Barron (ed.), *Minorities in a changing world*, N. Y., 1967, p. 40.

речь в его книге. Однако в сельском хозяйстве США преобладала хуторская, фермерская система, и слово «деревня» вызывает в применении к нему ложные ассоциации. Что же касается внутренних миграций «сельская местность—город», то они происходили там в серьезных размерах (до конца XIX в. шли, хотя и в значительно меньших размерах, также миграции «город→ферма»), но как источник мигрантов для американских городов внутренние переселения бледнеют по сравнению с мощными внешними миграциями, к которым обобщающее понятие «деревня» подходит лишь частично. Американские историки и социологи нередко представляли заокеанских иммигрантов выходцами из абстрактной европейской деревни, но в действительности среди иммигрантов было не так уж мало горожан. Их относительная численность менялась в зависимости от исторического периода, страны выхода, этнической принадлежности, и все это делало более разнообразным ход ассимиляции в американских городах.

Трудно согласиться и с замечаниями, иногда основанными на исследованиях О. Льюиса, что современные города содержат деревенские, неурбанизированные анклавы вроде этнических кварталов, живущих традиционным бытом и т. п.,— «деревню в городе». Каким бы нетронутым ни казался традиционный быт этих анклавов, они составляют часть социально-экономического механизма города и в этом смысле совершенно неурбанизированными быть не могут.

О. Н. Яницкий правильно отмечает, что задачи демократических преобразований и пролетарской борьбы в капиталистическом городе связаны с преодолением национальной и расовой дискриминации. Это действительно и для многонациональных американских мегалополисов, и для городов индустриально развитых стран Европы с их иммигрантским населением южноевропейского, африканского, азиатского происхождения.

Интересны главы книги, посвященные течениям антиурбанизма и дезурбанизма, их объективным основаниям и реальным последствиям. Развитие американских да и не только американских, городов происходит ныне, как известно, путем субурбанизации. Пригороды, самоуправляющиеся «общины-муниципалитеты», как их называет автор, куда вслед за населением перемещаются область услуг и промышленность, стали «социальным институтом» (стр. 288). Теперь городские центры «приобрели положение социально-экономической и культурной периферии» (стр. 295). На такой основе получили хождение в антиурбанистской социологии своего рода пригородные утопии: что пригород—это синтез города и деревни, что там человек возвращается к природе и т. д. С этим связан и культ семьи. Современные средства сообщения позволяют людям покидать города, которые сами по себе зло, как считал антиурбанист середины века, известный американский архитектор Ф. Л. Райт. Действительность американских пригородов опровергает утопические построения. Их саморазоблачению посвящено не одно произведение американской художественной литературы.

Автор отмечает, что настроения антиурбанизма и дезурбанизма «поддерживаются сегодня мелкобуржуазными и леворадикальными критиками» и что «дезурбанизм» выступает как элемент «контркультуры» (стр. 262). Течения этого порядка продолжают традиции американской общественной мысли XIX в. Недаром в последнее десятилетие обрел новую популярность Генри Торо. Вражду современных левачьих течений к городу автор справедливо связывает с их недоверием к рабочему классу.

Дезурбанистским утопиям О. Н. Яницкий противопоставляет, в частности, градостроительные идеи выдающегося французского архитектора Ле Корбюзье, который считал нужным разрешать проблемы города на его собственной основе.

Богатой по материалу, содержательной, интересной книге О. Н. Яницкого несколько вредит нечеткость структуры. Вызывают сомнение некоторые термины. Зачем «урбан-социология» и т. п.? Не лучше ли «социология города» или «городская социология»? Выражение «сословный» неуместно в применении к развитому капиталистическому обществу. «Изоляционизм» неоднократно употребляется вместо «изоляция» или «изолированность». Между тем слово «изоляция» давно и прочно применяется как название определенного внешнеполитического направления в США. Есть в тексте ряд чисто редакционных неточностей.

При всем том книгу О. Н. Яницкого можно рекомендовать всем, кто интересуется затронутыми в ней важными и сложными проблемами.

Ш. А. Богина